

враховувати при навчанні україномовних студентів нормативної німецької вимови, оскільки збільшення частотності наголосів у межах однієї німецької синтагми не просто порушує типову ритмізацію, але й перешкоджає розумінню почутого.

ЛІТЕРАТУРА

1. Борисюк І. В. Форми і функції інтонації українського спонтанного мовлення / Ірина Василівна Борисюк. – К. : Наукова думка, 1990. – 204 с.
2. Златоустова Л. В. Фонетические единицы русской речи / Любовь Владимировна Златоустова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 108 с.
3. Златоустова Л. В., Хитина М. В. Частотность единиц ритма русской речи / Л. В. Златоустова, М. В. Хитина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – М., 1988. – С. 31–39.
4. Общая и прикладная фонетика / Л. В. Златоустова, Р. К. Потапова, В. В. Потапов, В. Н. Трунин-Донской – М. : Изд-во Московского университета, 1997. – 416 с.
5. Поплавская Т. В. Речевой ритм в синхронии и диахронии / Татьяна Викторовна Поплавская – Минск : МГЛУ, 1995. – 49 с.
6. Потапов В. В. Языковая специфика структурно-компонентной актуализации ритма речи / В. В. Потапов // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 83–97.
7. Стеріополо О. І. Теоретичні засади фонетики німецької мови. Підручник для студентів та викладачів вищих навчальних закладів / Олена Іванівна Стеріополо. – Вінниця : НОВА КНИГА, 2004. – С. 218–279.
8. Шишкина Т. Н. К вопросу о ритмическом построении речи : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 “Германские языки” / Т. Н. Шишкина. – М., 1974. – 135 с.
9. Щерба Л. В. Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским / Лев Владимирович Щерба. – М. : Высшая школа, 1963. – 309 с.

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ

(опыт анализа политических интерлексем в русском и немецком языках)

ЕДЛИЧКО А. И

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Известно, что проблема типологии межъязыковых лексических отношений остается в семасиологии до сих пор малоизученной и нерешенной, что обусловлено многообразием семантических корреляций как между лексемами разного уровня, так и между разными языками [2, с. 231]. Названная проблема получила особую актуальность в трудах исследователей, изучающих специфику перевода такой категории лексики как “ложные друзья переводчика”. Подобные лексемы, несмотря на относительную аналогию форм, отличаются асимметрией плана содержания. Поэтому с позиций переводческих проблем классификации авторов ориентированы на межъязыковые расхождения.

Типология межъязыковой асимметрии Н. К. Гарбовского построена по аналогии с классификацией переводческих преобразований текста. В такой

“типологии несходств” [3, с. 338] лежат отношения между объемами понятий (т. е. выдвигается логический принцип). В соответствии с этим автором выделяются четыре типа отношений между сходными по форме лексемами разных языков. При *внеположенности* объемы понятий полностью исключают друг друга. *Равнообъемность (или равнозначность)* подразумевает полное совпадение лексического значения (значений) во всем объеме. Для тех лексем, объемы которых включают как общие для обоих понятий объекты, так и различные, характерно *перекрещивание*. Наконец, *подчинение* типично для таких логических отношений, когда объем одного понятия полностью поглощается объемом другого [3, с. 331–350].

Заимствованные из теории перевода категории успешно используются при выявлении типов семантических соответствий слов двух языков. Так, с классификацией Н. К. Гарбовского перекликается логическая типология межъязыковых лексических отношений, предложенная украинским исследователем В. Н. Манакиным. Автор сводит многообразие соотношений сопоставляемых лексем в языках к трем главным типам: 1) полное совпадение (эквивалентность); 2) частичное совпадение (с двумя разновидностями – включением и пересечением семантики) и 3) несовпадение (исключение) [8, с. 123].

Опираясь на приведенные выше логические типологии межъязыковых лексико-семантических отношений, мы используем бинарную классификацию межъязыковой эквивалентности интерлексем: 1) *относительно полная семантическая общность*; 2) *неполная (частичная) семантическая общность (с двумя разновидностями – включением и пересечением семантики)*.

Внесем оговорку относительно наименования “относительно полная семантическая общность”. Современные ученые указывают на тот факт, что категорию семантической эквивалентности нужно воспринимать с определенной долей условности [10, с. 60]. Данный постулат базируется на результатах лингвистических исследований последних десятилетий, связанных с изучением проблем взаимодействия языка и культуры. Детальное изучение *национально-культурного аспекта* лексического значения слова, получившее начало в работах представителей лингвострановедческой теории слова Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, и продолжающееся сегодня в рамках лингвокультурологии не позволяет делать категоричные заявления о наличии лексико-семантической эквивалентности слов различных языков. В связи с этим, считаем правомерным говорить об *относительно полной* семантической общности (СО).

В качестве объекта настоящего исследования выступают политические интерлексемы в русском и немецком языках, сопоставляемые на основе лексикографических источников. Предмет исследования – семантические особенности таких слов. Интернациональные лексеммы, как известно, должны обладать не только формальной конгруэнтностью, но и содержательным сходством, поэтому безэквивалентный тип отношений возможен только на уровне отдельных значений сопоставляемых многозначных интерлексем.

Такой тип межъязыковых лексических соответствий как *относительно*

полная СО наблюдается у всех однозначных интерлексем: 1) существительных со значением деятеля (*антисемит* / (der) *Antisemit*, *пацифист* / (der) *Pazifist*, *расист* / (der) *Rassist*, *экстремист* / (der) *Extremist* и др.); 2) названий общественно-политических течений (*неофашизм* / (der) *Neofaschismus*, *панамериканизм* / (der) *Panamerikanismus*, *монархизм* / (der) *Monarchismus*); 3) интерлексем, называющих формы и способы осуществления внешней и внутренней политики (*геноцид* / (der, das) *Genozid*, *колониализм* / (der) *Kolonialismus*, *апартеид* / (die) *Apartheid*, *депортация* / (die) *Deportation*); 4) номинаций различных процессов (*эскалация* / (die) *Eskalation*, *глобализация* / (die) *Globalisierung*), режимов (*авторитаризм* / (der) *Autoritarismus*), состояний (*науперизм* / (der) *Pauperismus*); 5) наименований денежных единиц (*евро* / (der) *Euro*).

Относительно полная СО наблюдается не только в категории однозначных единиц. Некоторые многозначные слова (например, *коммунист* / (der) *Kommunist*, *федерализм* / (der) *Föderalismus*) также могут проявлять общность семантики во всех ЛСВ. В качестве примера рассмотрим интерлексемы *коммунист* / (der) *Kommunist*. Заметим, что дробность выделения значений в словарях сопоставляемых языков неодинаковая: семантическая структура русского и немецкого слов репрезентируется двумя ЛСВ, тождественными в обоих языках: (рус.) “**Коммунист** 1) сторонник коммунизма (полит. течения) [1, с. 125] 2) член коммунистической партии” [7, с. 377], (нем.) “**Kommunist, der** a) *Anhänger, Verfechter des Kommunismus*; b) *Mitglied einer kommunistischen Partei*” [12].

Рассматриваемые единицы имеют общее денотативное значение, называющее определенное понятие. Как показывает анализ лексикографических источников, вплоть до середины 90-х гг. XX в., в русскоязычных словарях слов фиксировалось лишь значение “член коммунистической партии” [5, с. 180; 6, с. 189; 9, с. 282]. ЛСВ “сторонник коммунизма” появляется в словарях русского политического языка относительно недавно [1, с. 125], что можно объяснить экстралингвистическими причинами: построение коммунистического общества в СССР считалось исторически неизбежным фактом, поэтому противников этой общественно-экономической формации не должно было быть. *Коммунизм* рассматривался в период советской эпохи как “высшая форма человеческого общества, при которой нет эксплуатации человека человеком”, установленная в результате “победоносного социалистического строительства”, под руководством коммунистической партии, которая вооружена “гениальным учением Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина” [5, с. 178–179; 6, с. 188].

Значения немецкой лексемы (der) *Kommunismus* претерпевали неоднократные изменения языке. Нейтральные ЛСВ в начале XX в. “*die Gütergemeinschaft*” [18, с. 511], “*Gütergemeinschaft; Form des Sozialismus*” (Duden 1929) сменились негативно окрашенными в период национал-социализма: “*Gütergemeinschaft; schärfste Form des Marxismus*” (Duden 1934/1941) [16, с. 113]. Положительно маркированные дефиниции находим в политическом словаре немецкого языка ГДР: “*Kommunismus 2. die höhere Phase*

der einheitlichen kommunistischen Gesellschaftsformation; er ist eine klassenlose Gesellschaftsordnung” [19, с. 197], однако в словарях ФРГ используются пейоративные окрашенные ЛСВ: “*von den kommunistischen Parteien vertretene politische Bewegung <...>*” [17, с. 322].

Важно отметить, что исследуемые единицы имели раньше, во время существования СССР и других социалистических государств Восточной Европы, определенные коннотации в каждом языке. Известно, что в период холодной войны понятия *коммунизм*, *коммунист* вызывали негативные ассоциации в немецкоязычном социуме ФРГ, что находило соответствующее отражение в словарных пометах. Такие пометы еще сохраняются в некоторых современных словарях, и языковая память народа-носителя языка еще хранит коннотативную информацию, поэтому уместно говорить об *относительно* полной СО.

Неполная СО предполагает неполное совпадение и несовпадение означаемых и наблюдается в многозначных интерлексемах. Для иллюстрации обратимся к примеру. Интерлексемы *шовинист* / (*der*) *Chauvinist* трактуются в словарях следующим образом: рус. “**Шовинист** – приверженец шовинизма” [7, с. 889], нем. “**Chauvinist, der; (abwertend): 1. j-d, der sehr nationalistisch ist u. andere Völker verachtet 2. Chauvi (ein Mann, der so handelt, als ob Männer den Frauen überlegen seien)**” [14, с. 198]. Как показывает анализ дефиниций, русское слово содержит 1 значение, объем которого является достаточно широким. Семантическая структура немецкой лексемы, напротив, семантически сложнее и включает в себя по два узких, более конкретных ЛСВ, которые включаются в семантический объем русского коррелята-гиперонима.

Значения интерлексем исследуемых языков содержат интернациональные, универсальные компоненты, указывающие на единый денотат. Наряду с универсальными выявляются дифференциальные компоненты, отражающие некоторые национальные особенности. Широкая, однако, малоинформативная дефиниция русского слова *шовинист* – “*приверженец шовинизма*” [7, с. 889; 1, с. 278; 9, с. 887] позволяет нам с помощью метода семантического развертывания (опираясь на словарное толкование “*шовинизм*”) трактовать данное понятие следующим образом: *шовинист* – *приверженец крайнего национализма, проповедующий национальную и расовую исключительность <...>* [7, с. 889]. Как видно, полученная интерпретация не содержит компонентов, номинирующих мужчину, не уважающего или угнетающего женщин (в русском языке понятие “*мужской шовинизм*” выражается словом *сексист*). Следовательно, значение № 2 немецкого слова находится в отношениях безэквивалентности с анализируемым ЛСВ русской лексемы.

Аналогичные отношения наблюдаются в интернациональных лексемах с семантическими структурами, содержащими до 2 ЛСВ: *оккупант* / (*der*) *Okkupant*, *коалиция* / (*die*) *Koalition*, *пропагандист* / (*der*) *Propagandist*, *террорист* / (*der*) *Terrorist*, *фашист* / (*der*) *Faschist* и др.

Очень важным представляется тот факт, что СО интерлексем проявляется не только в сфере прямых номинативных, но и в сфере переносных значений. Перенос по сходству наблюдается в исследуемом материале у таких

интерлексем как *шпион* / (*der*) *Spion*, *деспот* / (*der*) *Despot*, *диктатор* / (*der*) *Diktator*, *династия* / (*die*) *Dynastie*, *империя* / (*das*) *Imperium*, *колония* / (*die*) *Kolonie*, *тирания* / (*die*) *Tyranei* и др.

Некоторые интерлексемы содержат схожие метафорические значения, но, в то же время, имеют различные семантические компоненты оценки в двух языках: *капиталист* / (*der*) *Kapitalist*, *каста* / (*die*) *Kaste*, *клан* / (*der*) *Klan* / *clan*, *патриарх* / (*der*) *Patriarch*, *политика* / (*die*) *Politik*. Примером различной коннотативной отнесенности являются интерлексемы *капиталист* / (*der*) *Kapitalist*. Дефиниционный анализ показывает, что при общности метафорического значения данных слов в обоих языках наблюдаются особенности оценочного и стилистического характера, маркированные в лексикографических источниках с помощью помет. Так, в русском языке переносное значение интерлексемы *капиталист* трактуется как “разг. шутол. *богатый, разбогатевший человек*” [7, с. 334], что практически тождественно ЛСВ метафорическому значению немецкого (*der*) *Kapitalist* “(ugs. abwertend) *jmd., der über viel Geld verfügt*” [11, с. 401] (рус. “*тот, у кого много денег*”). Разговорный характер данных слов маркируется с помощью соответствующих стилистических помет (*разг. – ugs.*). Однако, в отличие от шуточного употребления значения в русском языке, немецкий коррелят пейоративен (о чем свидетельствует помета *abwertend* / *унчижит.*). Переносные значения в данных примерах развивают важный элемент основных, прямых значений: ‘тот, у кого имеются деньги’ (ср. прямое значение рус. “*представитель господствующего класса в капиталистическом обществе, собственник капитала, использующий труд наемных рабочих*” [7, с. 334]; нем. “*Anhänger des Kapitalismus*” [11, с. 401]). Метафорическое значение, как бы освобождаясь от таких конкретизирующих признаков, как ‘*представитель доминирующего класса в капиталистическом обществе*’, ‘*который использует наемную силу*’, тем не менее, сохраняет существенную составляющую ‘*наличие материальных средств, капитала*’, что является основным признаком такого общественно-экономического строя как капитализм.

Названные переносные значения возникли в исследуемых языках относительно недавно, в XX в., и непосредственно связаны с первичными нейтральными наименованиями, обозначающими собственника капитала (денег). Обе номинации претерпевали значительные семантические изменения, обусловленные особенностями общественно-политического развития России и Германии в XX в. Пейоративной окраской отличался агитаторский вокабуляр немецкого политического языка ГДР, к которому относилась и идеологически маркированная лексема (*der*) *Kapitalist* (ср. ***Kapitalist***, *der; Eigentümer von Kapital, das ihm zur Ausbeutung von Lohnarbeitern und damit zur unentgeltlichen Aneignung von Mehrwert dient* [13, с. 627]). Однако фиксируемый словарями ФРГ метафорический ЛСВ с отрицательной коннотацией “(umg.; *abschätzig*) *reicher Mann, j-d, der viel Kapital besitzt*” [13, с. 316] базируется на первичном значении XVII в. “*Geldbesitzer*” [15, с. 789]. Отрицательная коннотация, которой обладало слово ранее, закрепилось за современным переносным значением.

Заметим, что современная метафорическая номинация в русском языке тесно перекликается с дефиницией, приводимой ещё в XIX в. В. И. Далем: “капиталист м., капиталистка ж. <...> – богач, у кого много денег” [4, с. 87], а не с пейоративными значениями слова, характерными для периода советского русского (Ср. “обладатель капитала, эксплуатирующий (sic!) наёмных рабочих” [5, с. 159]; “обладатель капитала, эксплуатирующий наёмных рабочих, эксплуататор, принадлежащий к классу буржуазии” [6, с. 169]). Современное метафорическое значение русского слова не содержит пейоративных коннотаций.

Пример метонимического соотношения значений представлен, в интерлексемах *полиция* / (*die*) *Polizei*. Слова, обозначающие административное, государственное учреждение (ср. рус. “<...> административный орган государственной безопасности и общественного порядка” [7, с. 609], нем. “*staatliche od. kommunale Institution* <...>” [12]) служат также для обозначения работников этого учреждения (рус. “лица, служащие в этом органе” [7, с. 609], нем. “*Angehörige der Polizei*” [12]). При метонимическом переносе в названных интерлексемах наличие реальной связи между денотатами осуществляется на основе устойчивой связи служащих в данном учреждении людей. Метонимический перенос представлен также в интерлексемах *эмиграция* / (*die*) *Emigration*, *система* / (*das*) *System*, *форум* / (*das*) *Forum*, *монархия* / (*die*) *Monarchie* и др.

Как показал анализ, СО может проявляться в семантической структуре интерлексем, в объеме прямых значений и вторичных номинаций, в коннотациях, в однотипных семантических изменениях. Специфика политической обстановки отдельно взятого социума способствует формированию не только ряда дифференциальных ЛСВ, но и развитию национальных компонентов в составе некоторых универсальных значений. В содержательном аспекте интерлексем национальные различия переплетаются с интернациональными тенденциями, что указывает на двуединство единиц данной языковой категории.

Поскольку в настоящем исследовании внимание уделялось СО интерлексем только на уровне языка, перспективы дальнейших исследований видятся нам в рассмотрении СО и выделении национальной специфики интерлексем на речевом уровне как на современном этапе, так и в диахронии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакеркина В. В. Краткий словарь политического языка / В. В. Бакеркина, Л. Л. Шестакова. – М. : АСТ:Астрель, 2002. – 288 с.
2. Будагов Р. А. Язык и речь в кругозоре человека / Рубен Александрович Будагов. – М. : Добросвет, 2000. – 304 с.
3. Гарбовский Н. К. Теория перевода / Николай Константинович Гарбовский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : Т. 1–4 / Владимир Даль. – М. : Рус. яз. 1989. – Т. 1 – 700 с. ; Т. 2 – 780 с. ; Т. 3 – 556 с. ; Т. 4. – 684 с.
5. Краткий словарь иностранных слов / Под ред. И. В. Лёхина. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1947. – 480 с.

6. Краткий словарь иностранных слов / Под ред. И. В. Лёхина. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. – 488 с.
7. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Леонид Петрович Крысин. – М. : Изд-во Эксмо, 2006. – 944 с.
8. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология / Владимир Николаевич Манакин. – К. : Знання, 2004. – 326 с.
9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : АЗЪ, 1995. – 928 с.
10. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / Светлана Григорьевна Тер-Минасова. – М. : Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.
11. Duden. Das Fremdwörterbuch. – Bd. 5–6. – Mannheim u.a. : Dudenverlag, 1997. – 864 s.
12. Duden. Deutsches Universalwörterbuch.– 5. Aufl. – Mannheim, 2003.
13. Handwörterbuch der deutschen Gegenwartssprache ; unter der Leitung von G. Kempcke. – Bde. I–II. – Berlin : Akademie-Verlag, 1984. – 1399 s.
14. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache / Hgg. D. Götz, G. Haensch, H. Wellmann. – М. : Март, 1998. – 1248 с.
15. Pfeifer W. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen : Bde. I–III / W. Pfeifer. – Berlin : Akademie-Verlag, 1989. – 2093 s.

ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ СЛОВАРЕЙ

ЗАВАРУЕВА И. И.

*Днепропетровский национальный университет
железнодорожного транспорта имени академика Всеволода Лазаряна*

Национальный язык – это живой отпечаток культуры, истории и устремлений народа. Развитие современной жизни напрямую отражается в языке – возникают новые слова, термины и выражения, меняется смысл старых слов. Многоаспектную информацию можно найти в словаре: от научного описания языка, его истории, современного состояния, объяснения заимствованных, малоупотребительных и устаревших слов до систематизации знаний, познания действительности, истории и культуры народа. Словарные произведения выполняют социальные функции: информативную, коммуникативную и нормативную. В нашей работе рассматривается проблема лексикографической систематизации лексики на примере электронных словарей. Актуальность этой темы обусловлена все возрастающей ролью компьютерных словарей среди других продуктов лексикографии.

Теоретической основой составления любого словаря является положение, согласно которому словесный состав современного русского литературного языка представляет собой исторически сложившуюся естественную систему со всеми принадлежащими такой системе характеристиками: открытость, целостность, функциональность.

Основы отечественной системной лексикографии разработаны Ю. Д. Апресяном [1]. Лексика любого языка рассматривается как множество классов единиц с определенными для каждого класса правилами